Доп.
С 338
Ч-27

ПАВЕЛ ЧАЦКИЙ

ЛЕСА СЕВЕРА И ПЯТИЛЕТКА

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

ПАВЕЛ ЧАЦКИЙ

С 338
Ч-27

ЛЕСА СЕВЕРА
И
ПЯТИЛЕТКА

151784.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Передвижной фонд
Дома Книги им. Ломоносова
г. Архангельск.

1966 г.

1048

1955

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

738'ree

Тип. изд-ва «Дер Эмес»,
Москва, Покровка, 9.
Главлит А—72696
Тираж 20000 экз.
Инд. К—10. Гиз № 42161
2 печ. л.

1995

2002

Нейтрализация
20 11 г.

2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. КАК ХОЗЯЙНИЧАЛИ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННИКИ В ЛЕСАХ СЕВЕРА ПРИ ЦАРЕ

Леса на севере косяками тянутся на сотни и тысячи километров. Дороги лесные, тракты в осень и весну непролазны. На трактах застревают и ломаются крестьянские телеги, но хуже, когда тракты идут болотом. Там дорога — море разливанное. Проселки — узкие тропинки. Сверни с них в осеннюю пору в сторону — утонешь. На болотах, ямы около тропинок, «чарусы» — это в болоте, отдушины для газов, перегнивающего торфа. Такая «чаруса» скрыта под мшистым ковром. Идешь мимо, видишь луг, качаются головки лесных цветов и манит прилечь зеленая дорожка ковра, но ступи ногой — раздастся трава, и пойдешь камнем ко дну.

В засуху, в сухмень, горели леса. До революции много было работы деляге-купцу. Рыскал он по лесничествам, скупал гари и сухостои. Пожаров не тушили, полагая, что лесов на севере много. Поджигали часто по уговору: охотник, чтобы выгнать и заполучить зверя, а лесопромышленник, — чтобы скупать сухостой. В сделке сырое бревно сходи-

ло за горелое. У лесничего в кармане шевелился «барашек в бумажке», у об'ездчика залиты глаза вином, и лесник не забыт купцовым подарком.

Пожары уничтожали десятки тысяч гектаров леса. А после пожаров и сплошных рубок на гарях лысыми стариками в болоте лежали пни да хрустел тонкий хворост, который сгнивая унаважи-вал землю. Трава от огня превращалась в золу, и нужны были годы, чтобы обзеленилась гарь порослью. Росла поросль на смену красному лесу. Вместо сосны и ели в обхват толщиной, вместо чащи, куда нельзя было пройти без топора, выраста-ли карликовая ольха, уродливая березка и пыльные вересняки.

Горелый сухостой рубили всплошную, заодно и сырорастущий. Рубили хищнически, снося молодняк, не оставляя прута. После таких рубок лысе-ли овраги, мелели лесные речки, потому что нечему было задержать снег. Засухи сжигали чахлую завязь цветов, ягод и крестьянские посевы.

Гари ежегодно отступали в леса, а около деревень были голые пространства с перепадающим кое-где мелколесьем.

Своих лесов у крестьян не было, поэтому они вырубали деревья для постройки в казенной лесосеке за немалую плату.

Леса были удельные, монастырские, барские, и поэтому крестьяне пожаров не тушили. Знали, что хозяева леса — барин и царь, от которых никакой пользы крестьянам не было.

Не будь болот и речек, да тундровой мерзлоты — горели бы леса, и в десятки лет обезлесился бы

север. Пожары несли миллионные убытки стране, сводя на-нет громадные лесные массивы.

Хищничество, пожары, ураганы, вредители-жучки, буреломы губили леса.

Заломы из валежника шли на десятки километров, громоздились в таком беспорядке, что немыслимо было сквозь них пробраться человеку. Десятками тысяч гектаров лес гнил с корня, сох и горел.

Но это мало тревожило прежнее толстокожее начальство. Пьяницы, взяточники ехали на север начальствовать. К приезжим начальникам местные жители относились сухо, смотрели на них как на грабителей.

Круг купечества и лесных чиновников был прочен. Купец жил за счет благоволения властей, а власти жили за счет доброхотных даяний купца. Брали «детишкам на молочишко» все, от лесника до губернатора.

Да что губернаторы, когда брали в министерствах! Взятки нефтяных королей Нобеля и Манташева захоронили на десятки лет проект открытия нефтяных разработок на реке Ухте. Искатели, кто из научных соображений, кто из корыстных, искали на реке Ухте нефть. Гнали по лесным порожистым речкам партии рабочих. Волоком тащили инструменты. Проба показала на Ухте нефтеносные месторождения. На участки взяли заявки ловкие дельцы вроде графа Канкрина, огородили межевыми столбами с двуглавым орлом и на этом деле поставили крест. Лишь один город Баку признавался нефтеносным, а все другие предположения о нефти отвергались. И только революция дала

возможность Уралу открыть нефтеносное дело в «Чусовом городке».

Ископаемых на севере немало: краски — охра, сурик; чугун, железо; много и соляных источников — в Тотьме, Красноборске, Сольвычегодске, в Новинках, около Котласа, в Серегове. Но все это годами лежало в земле без пользы. Медлителен и тяжеловат был купец, когда дело касалось организации предприятия, требующего много хлопот, денег и знаний. Он сторонился новшеств, не торгуя дальше городской заставы. Устюгские купцы, например, в 1825 году послали в министерство прошение с ходатайством о том, чтобы железную дорогу вели не на Устюг, а на Котлас. Купцы боялись, как бы железная дорога не убила миллионные доходы пароходовладельцев Варакиных и Костровых.

Лесопромышленник, наоборот, был более дальнозорким и предприимчивым мошенником, поэтому от лесного дела он получал громадные барыши. Лесопромышленник по сплаву леса вышел за пределы местного рынка. Кабальным кольцом кредита он сдавил крестьян-лесорубов: обсеменял их поля, кормил хлебом, давал им рабочий скот, упряжь и за это эксплоатировал их без зазрения совести. Хорошо жилось только кулакам, потому что тогдашние земельные законы давали возможность выходить из общины на хутор или отруб и закреплять за собой землю.

На север ехали все, кто умел легко и незаметно влезать в доверие к людям, имеющим деньги и власть. Начинали со скупки на торгах отобранно-

го за долги у крестьян леса. Дело это звали «мертвым». Большие барыши давали только такие дела, как с'емка делянок по сухостойной расценке и вырубка сырорастущего. Взятки и воровство давали возможность доверенному купца через два-три года самому стать купцом. Он брался за все, начиная со скупки лаптей до с'емки участков в тысячи гектаров. Такой купец скупал смолу, скипидар, канифоль, шпалы, шахтовник, швырок. Это был делец, хорошо изучивший жизнь лесоруба. Он покупал делянку по сплошной рубке, а рубил выборочной. Скупал в округе лес, минуя торги. За тонкомер снимал толстые бревна. Весною, когда бурей раскидывало лес других хозяев, купец ловил бревна, вытравлял клейма и пускал в продажу. Увозил лес с катищ без обмера. Взятки давались скрыто и явно. Вот как рассказывали о взятках подвыпившие хозяева в ресторанах:

«Лесной ревизор И., об'езжая лесные порубки, застудил ноги в щегольских лаковых сапожках и заехал погреться к доверенному Фонтейнеса. Доверенный, имея грешки по бирже, предложил барину валенки. Валенки натирали холеные ножки, попахивали дымом. Зато приехав домой, ревизор был приятно изумлен, найдя вместо стельки по пачке кредиток».

«Землемеру А., отводившему делянки по вырубке, доверенный Прютц и К° послал взятку—сосунка-поросенка. В аппетитно сделанном разрезе землемер нашел баночку с пятирублевыми золотыми».

Взятка давалась мастерски, хотя ни один чиновник от нее и так не отказался бы.

О взятке знали лесорубы, но доносить боялись: все равно дело замнут, — говорили они.

Просеки вырубались беспорядочно. Укрывались размеры вырубки, порода леса, высота и длина его. Лес и рабочая сила скупались за бесценок. Бедность, малоземелье, бесхлебье гнали крестьянина в кабалу к купцу. Купец кредитовал крестьянина вперед за полгода, причем так вел расчеты, что долг крестьянина увеличивался, а не уменьшался.

Лесорубы не протестовали, боясь лишиться кредита.

Харчами лесоруба были — тухлая рыба, селедка, чай, желтоватый отход сахара. За махорку, окаменелые баранки, линючий ситец брали втридорога.

Уходили лесорубы осенью по первым заморозкам, а приходили весной после сгона «муты»[1]. Жили в избушках, где на «камельке» горел днем и ночью огонь. Дым уходил в отверстие самой крыши. Окна в избушках были волоковые, двери закрывали, и к утру сажа свисала хлопьями. Около стен стояли нары, где стаями бродили тараканы и клопы. Над «камельком» сохли онучи и лапти, качался дым от махры, крутило пар от сохнущей одежды. За ночь онучи ссыхались коробом, полушубки хрустели хробостко, как железные листы. Спали вповалку, в дыме и духоте, умывались снегом. Лесорубов звали «чернотропами», потому что от избушек до делянок шли черные с налетом сажи тропинки. Рубили зимой в жестокие морозы, когда на де-

---

1 Мута—лесосплав на лесных речках.

ревьях висит мягкая снежная куржа и болота спят, закованные льдом.

Придавило ли деревом лесоруба, обрубил ли ногу, простыл ли — кашляй, ползи на корточках, но работай. Врачей и аптек не было. К рождению и смерти относились безучастно. Родился ребенок в бедной семье — значит «лишний рот». Умер — «слава богу, отмаялся». Купец-хищник знал одно: копить деньгу. У запаней, в устье лесных речек, где вязали плоты и бревна шли «мулем»[1], жилось не лучше. Тяжелая до отупения работа (11—12 часов в сутки), низкая оплата труда, обвес в лавках, обсчет при расчете. Угарная духота казарм, выпивка, картежная игра изнуряли рабочих. «Мат» — было насущным словом каждого рабочего. Дракой заканчивались ссоры и распри.

В устье речек были биржи, где шла погрузка леса на плоты и баржи. Здесь пилили бревна и готовили кокоры[1] для закладки паузков[2] и барж. Баржестроение было одно из выгодных дел лесопромышленника.

Коломинов и Сазонов строили баржи-двадцатки (длиною в двадцать саженей). Гурылев строил паузки, а сороковки-баржи Вальгофы строили в затонах Северной Двины. В Тотьме строили паузки из тонкого леса, нагружали дровами, сгоняли в Архангельск и продавали на слом. Такие паузки нередко тонули в пути. С Волги шли шаланды — крепкие, плоскодонные суда большой грузоемкости. Для

---

[2] Мулем — беспорядочная стопка.

[1] Кокоры — корни елей, к которым пришивают доски — днище и борты.

[2] Паузки — плоскодонная баржа.

барж заготовка кокор шла с осени. Кокоры возили гужом, и закладку барж обычно начинали с николина дня. На закладке хозяин ходил гоголем, со стаканом в руке, подносил рабочим водку, со всеми шутил и заигрывал. Боялся как бы не насадили свищей в его баржу. К концу же работ хозяин становился груб, избегая мастеров. При расчетах выжимал рублевики, набавляя цену на харчи и квартиру. И водка, поставленная как угощение, тоже принималась в расчет. Рабочие «бунтовали», ходили с жалобой на Куйца. Суд медлил с разбором дела, и рабочие получали деньги лишь осенью, когда хозяин за лето успел заработать большую сумму.

Смерть рабочих мало трогала хозяев. Гибли заломщики, тонули мутовщики, давило лесорубов. Денег не платили. На смену убитому приходили новые, не менее сильные и расторопные. Зато буря отражалась на хозяйских карманах. Рвало запани, и бревна гнало прибоем в затоны. Истошно крича, бежали пароходики, пытаясь запружить гон. Скупалась рабочая сила приречных деревень, чтобы ловить бревна. По реке плыли сплошные деревянные плоты. У затонов[1] росли штабеля бревен.

Пароходики высаживали партии сплавщиков-зырян. Зыряне ехали в посконных рубахах, в лаптях, с котомками ржаных сухарей. Приказчики разбивали их на партии, ставили на плоты и давали с «начином» на водку. Вечером, под хмелек зыряне дрались с русскими. Бойцов подзуживали купцы:

---

[1] Затон—бухта, где становятся на зимовку суда.

— Даю четверть, вон на рыжего с большим рылом!

На берегу мыкались старики:

— Митька, тюкани того, петлястого, по кумполу!

К полуночи страсти разгорались. Шинкарки, расхваливая пойло, зазывали покупателей. Иногда драка принимала угрожающие размеры. Тогда вызывали стражников, и драку разгоняли силой. У русских неприязнь к зырянам шла издавна. Русский для купца — парень с ленцой, любит бунтовать и ежедневно клянчить на водку, зырянин же нетребователен, дешев и работает прилежнее.

Караваны снимались утром. Головные паромы[1] плыли с флагами. На привалах сплавщики из походных лавок забирали харчи. Гнали караваны, пока не обмелеют реки. Каждый год уносил миллионы бревен из суземов[2]. Лесозаготовки уходили вглубь лесов.

Новый год нес новых хозяев и новые формы эксплоатации. Новый хозяин подчинял других. Коломиновы гибли в неравной борьбе с Вальгофами и Фонтейнесами—заграничными денежными тузами. Появились общества с большими капиталами, и лесное дело ставилось на капиталистическую ногу. Перед войной, в 1913 году хозяевами севера был всего десяток фирм. Мелкий хищник был забит и служил крупной акуле — иностранцу. Заготовки пошли в удесятеренных размерах. Чтобы сбить це-

---

[1] Паромы—партия плотов.
[2] Сузем—лес, глушь.

ну на рабочие руки, доставали рабочую силу из центральных губерний. Обороты исчислялись миллионами. Плоты сводили в буксиры и в порт доставлялись пароходами. Дух американского делячества царил в этой отрасли промышленности. Лес рубили не сплошной, а выборочной рубкой. Бревна снимали пилой, что ускоряло работу. Заготовки приняли необычайный размах. За 1913 год было снято до 40 миллионов бревен. Особо заготовлялся швырок, шпалы, шахтовник и другие виды лесного сырья. Помещики продавали на сруб вековые сады и парки. Сплошной рубкой снимались корабельные рощи, даже лесонасаждения. Уничтожались ценные породы прекрасного леса-мачтовика. Предложение усиливало спрос. Купец скупал уголь у всех углежегов, порайонно, за полгода вперед. Деготь, скипидар, смолу, канифоль скупали за год, выдавая деньги на новые заводики. Даже сухоборы, заброшенные раньше подвергались разработке. С них добывали горелый сосновый пень для выгонки смолы. Береста шла на деготь. Из вересняков, заполонивших пустыри и овраги, выгоняли древесное масло.

Причальные линии для отстоя плотов заняли у крестьян луга и поля. По веснам размытые и раскопанные для свай земли уносило. Появился новый тип крестьянина-отходника. Зимою он жил дома, а летом уходил в порт, сдавая землю в обработку соседям. Урожаи понизились, отходника тянуло в город, а старшие в семье оставались на земле. Пошли раздоры и разделы, а с ним дробление крестьянских хозяйств. С рубкой лесов вместо сплошную

началось облысение оврагов. Около берегов пошли песчаные горы с желтыми дюнами песков. Снег таял быстро, не было задерживающих лесов. Медленный спад вод сменяло бурное водополье. Ледоходы сносили озимые поля у деревень, заваливая песком и сухим камышом сенокосы. Пошла вырубка наиболее здорового леса. Увеличились размеры гниющего валежника. Крестьянские наделы выругбались, хирели, а прирезки новых не было.

В глубь волоков ушли и зверь и птица. Грибы, ягоды пропали. Хозяин жил за границей на курорте, а дело вел по отчетам доверенных и приказчиков. Доверенные с рвением гнали прибыль хозяину. В случае волнения рабочих, снималась вся группа и заменялась другой. Купцы овладели рынком. Все пароходное и баржевое дело оказалось в руках акционерной компании «Котлас—Архангельск—Мурман». Она захватила все речные пути севера. Новый купец завел обработку дерева на своих лесозаводах, начиная от лесосеки до продажи пиловочника за границу. Наравне со сплавной системой доставки лесоматериала широко применялась и сухопутная. Заготовки шли вблизи железнодорожных линий, откуда бревна подавались вагонами. На месте лесоразработок создавались лесозаводики. Такие заводики были в Нее, Шарве, Мантурове, вдоль Северной железной дороги. Местный рынок стал узок. Лесоматериалы пошли по железной дороге в южные районы. Осиновая клепка и сосновая доска для рыбных бочек пошли в Москву. Прежний купец-перекупщик работал на местный рынок. Купец работал в пределах мест-

ного рынка и дальше этого не шел. Характер его предпринимательской деятельности был ограничен в пределах нескольких тысяч рублей, на которые он вел заготовку. Купец нового типа уже ворочал миллионными делами. Если пожитки какого-нибудь Коломинова оценивались в тысячу рублей, то имущество Вальгофа оценивалось в десятки миллионов. Предприятие его обслуживали сотни служащих. На лесозаводах было занято до тысячи рабочих. Велись переговоры о с'емке не делянок, а целых лесничеств, не на месте, а в губернии, через голову местных властей.

Инспекция труда на заводах была на поводу у хозяина, и роль ее сводилась к болтовне об оздоровлении труда. Штрафная система и желтые билеты обрекали на голодную смерть увольняемых. Все были связаны круговой порукой, тонкой системой эксплоатации. Власть поощряла деятельность купцов. Никому не хотелось портить отношений с господами-купцами. Ведь царь, в интересах помещиков-дворян, обрек на голод целые губернии. Знали все, как через Котлас в порт гнали ежегодно десятки тысяч тонн хлеба за границу. А рядом на Вычегде, Сысоле, Печоре зыряне ели хлеб, не обдирая мякины, мешая в муку еловую кору и мохягель. Умирали с голоду инородцы окраин «великой неделимой России», в то время как миллионы тонн хлеба и сахара шли на откорм иоркширских свиней в Англию. Собак хозяева кормили отборным кушаньем, их ежедневно осматривали ветеринары. На каждую собачку отводилась комнорка, которая была чище, чем избушка лесоруба.

Таково было то время, таковы были люди, такова была вся система управления народом сверху донизу.

II. НА ЛЕСОПИЛЬНЫХ ЗАВОДАХ АРХАНГЕЛЬСКА ДО РЕВОЛЮЦИИ

К черному молу пришвартовался двухдечный «американец»[1]. По качающимся сходням, топоча сотнями ног, толкаясь и ругаясь, бросилось на берег многоголосое человечье стадо. У выходящих на берег — нездоровые, зеленоватые лица, от них несет потом, паром, кислыми щами и овчинами. Сюда прибыли рослые, плотные зыряне, голубоглазые, медлительные вятичи, мешковатые костромичи и говорливые, речистые вологжане. У стариков мочальные и пепельные бороды. Все они в домотканных портах и рубахах и войлочных грешневиках. Порты висят мешками, рубахи пропотели, ссохлись и гремят коробом на костистых телах.

Толпа идет в конторы лесозаводов. В конторах сидят щеголеватые франты-конторщики с нафабренными фиксатуаром и расчесанными в пробор жиденькими волосиками. За столами восседают важные бухгалтеры и доверенные с массивными золотыми часами на отрастающем брюшке. У дверей конторы дремлет, качая бородой, важный швейцар. У швейцара между подрагивающих во сне коленей зажат суковатый жезл. Швейцар дремлет. Шорох — и он стоит с подобострастной улыбкой, если идет хозяин и делается гордым и неприступным если идет рабочий.

---

[1] Двухдечный — двухэтажный пароход американского типа.

Старший артели в молчании созерцает пуговицы швейцара на малиновых отворотах ливреи. Галуны вызывают трепет и, боязливо сложив лодочкой руки, он сует швейцару рублевик. Тот, небрежно морщась, берет рублевик и спускает в потертый карман. Потом глуховато, сквозь зубы цедит:

— Вам кого?

Артельный рвет с головы войлочную шляпу и, сунув подмышку, где белеют слинявшие от пота косые ластовицы, пространно начинает излагать свою просьбу.

Швейцар, узнав кого надо, важно изрекает:

— Старший по делам изволил отбыть вчера, будет завтра пополудни.

Ему суют еще рублевик, он брезгливо, двумя пальчиками, опускает его в жилетный карман и поучает:

— Он самый наибольший у нас, кроме его никто не волен нанимать рабочих. Придите завтра.

Толпа с разговорами отваливает от конторы в Кузнечиху, на постоялый двор. На артель покупается на двадцать копеек квасу, на гривенник луку, и начинается обед, обходится он по две копейки с человека.

Скоро часть приезжих уже работает на лесозаводах, грузит лес и доски в вагоны, катит уголь, выгружает из баржи соль, рожь и прочий груз. А те, кто покрепче, кто не гнется под десятипудовой ношей, поступают в артель грузчиками. Первые дни с непривычки все ходят в поту. Мешок сахара рвет одежду, ящик с вином, кованым в же-

лезо углом, трет поясницу, а кули соли свисают до подколенок.

К осени деревенца приучают много и буйно пить, солено ругаться, носить не морщась пятнадцатипудовые «бунты» пряжи. У такого грузчика руки размотаны в кистях, как у барабанщика, и ноги плоские, будто сплющенные. Под задор он поднимает двадцатипудовую ношу, надрывается и чахнет.

Пыль толстым слоем лежит на молу[1], и грузчики становятся «неграми». К молу на оцинкованных канатах пришвартовываются баржи с насыпью ржи и пшеницы. Зерно бойко насыпают в мешки и на тачках мчат в склад.

В штормы баржи рвутся с канатов и разбиваются о мол. Тогда рожь журча плывет в воду, набухает, всплывает, и ее ловят сачками. В белых жилетах, с развевающимися фалдами фрака, взволнованно прибегают хозяева, — ведь они связаны контрактом сдачи хлеба в срок.

День и ночь у мола пыхтят краны, и двадцатипудовая чугунная баба звонко шлепает по концам свай, загоняя их в речное дно. Сваи крепят расшивинами, на расшивины кладут бревна, пришивают настил, и пристань готова. Такие пристани с грузом нередко рушились в реку. Была тогда нажива изголодавшимся «золоторотцам!» Пронюхав об этом, они приходят партией, берут подряд, день и ночь ловят затопленные ящики, кули, мешки, а в получки пьянствуют, гуляют.

---

[1] Мол—береговая причальная линия для судов.

1517-83

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

«Золоторотца» когда-то вместе с другими выплюнул на дымный берег порта трюм парохода. Он завертелся, спился, остался зимогорить.

Наем рабочих обычно шел на базарах. С утра в косоворотках, в сапогах с гармошкой ходили степенно, вразвалку, по рядам хозяева. Те, из рабочих, кто покрепче, нанимались, остальные уезжали домой.

Климат в Архангельске сырой, и туманы ходят до полудня. Улиц в городе было две по течению реки: Троицкий проспект и Петроградский, а рядом с проспектами болото—узкие просеки, уходящие в тундру. Летом поморы ходят с берестовой покрышкой над глазами, на покрышке смола с дегтем, отгоняющие гнус[1]. Малярия изнуряет за лето так, что от больного прет желтизною. Больных пичкают наговорами от 12 лихорадок. И день и ночь висит на воротах записка: «Меня нет дома». Записка — это адрес для лихорадки, которая якобы ходит в образе пьяной бабы и, дойдя до дому с таким адресом, возвращается обратно. Других берет цынга— у больного пухнут десны, кровоточат зубы, он теряет аппетит, худеет и умирает от истощения.

На проспект летом волной идут багульниковые духмяные настои и тучей несут желтую пыль цветущих кувшинок. Маймакса[2] запружена шкунами и лесовозами... Лесовозы плывут, как горы по рукаву индиговых вод, к горлу Белого моря. Лесовозы обступили Маймаксу с обеих сторон, и около порта шипят пловучие лесовозы и плоты.

---

1. Гнус—мошкара.
2. Маймакса—название реки, впадающей в Белое море.

Заводы со всех сторон обступили штабеля леса вышиной в 10 метров. День и ночь гремят пилы, кромсая белое тело бревен, готовя пиловочник. Около баржи стоят черные, как гробы в чуму, лесовозы. На лесовозе с утра до ночи скрежещут цепи, стучит мотор, и с верхней площадки несется гортанный голос наблюдателя за погрузкой: «Майна-вира!»[1].

Лебедка мотает цепи легко, будто нитки на катушку, и вверх и вниз ходит гулкая цепь. Бревна покачиваются, вися на цепях, идут поперек борта, их подтягивают баграми и отводят в трюм. Неделями стоит такой лесовоз и глотает черной пастью трюма грузы. И только поздней ночью засыпают лесовозы и баржи, окутанные болотными туманами. У дамб, где смутно белеют штабеля пиловочника, с колотушками ходят сторожа.

Летом на севере белая ночь. В такую ночь плавают будто в легкой дымке дома, города, порт. В дымке маячат лесовозы. До утра по дорогам из города к лесозаводам Маймаксой гремят звонкие тальянки — это молодежь идет с развлечений из «Мулен-Руж» и цирка.

На заводах на масленой собирали с той и другой стороны Маймаксы силачей, подпаивали их, подбирали к ним бойцов полегче, и они дубасили друг друга. В кошевах с'ехавшихся поглазеть на бой купчихи охали, откидываясь на медвежьи полости. Купцы бегали рядом, подбадривая: «А ну, наши, навались!» Снег, перетираемый сотнями

---

[1] Майна-вира—сигнал: «берегись!»

ног, хрустел, гомон ширился. Бились молча, то напирая, то отступая.

Шум и вой перехлестнулся за реку. Дерущиеся совсем озверели: теснят плечом друг друга, бьют в переносье, в скулу, в глаз. Кровавые пятна кровоточат снег. Маймаксой, поддерживая на весу прыгающие «селедки», бегут разнимать драку городовые. Рослые усачи-городовые силой разгоняют стенку. Бойцы расходятся домой усталые, еле дыша. В праздники на дорогах от казарм верещат нескладные гармоники и поются частушки. Ребята ходят толпами, пьяные, суча кулаки на встречного и поперечного, оглашая даль песнями.

Драки шли каждый праздник, а праздников было много. Дрались из-за девиц, из-за словесного оскорбления, из-за минувшего кулачного боя. Потом месяцами избитые отлеживались в больнице, если не уходили от финки на тот свет.

Не было праздника, чтобы в пьяной драке не убили трех-четырех человек. Озорство поощрялось. В праздники по дорогам трезвые избегали ходить, боясь быть избитыми.

Полиция не мешала хулиганству.

Всюду была круговая порука мастера, управляющего и пристава. Попал на работу подросток—качай 10—11 часов в день, за гроши выматывай силу на хозяев. Дети выматывают силу, измочаливают себя матери и отцы. Здоровые руки—есть работа, заболел — помирай с голоду. Попал ли под бревно, придавило ли штабелем, руку ли отхватило в машине. — иди на улицу в нищие: ни пособия, ни помощи. Судиться? Да у хозяина связи везде, и на

службе лучшие юристы. Заболел на работе — болеешь больше месяца, получай расчет и уходи. А лечат бывшие ротные фельдшера касторкой и микстурой от всех болезней. Попав в заводские врачеватели, фельдшера спаивались и забывали о людях, вверенных им. Забеременела работница — катись со службы, отдыхай с год за свой счет.

Закурил на работе — штраф, сел отдохнуть — штраф, сказал соседу на работе слово — штраф. Штрафы да вычеты часто с'едали весь заработок.

Хозяин занят был выпскиванием способов прожигать легко добытые деньги. Даже мастер и тот чурался рабочих, не говоря уже о доверенном, который в праздник мастерам, приходившим с поздравлением, выносил рюмку водки, кредитку «на чай». Мастер и доверенные были заняты тем, как бы больше эксплоатировать рабочих.

Разумеется никакой культурной работы не велось. Занятия в заводской школе вели отставные дьячки. Учили кое-как писать да молитвам. Библиотек не было, клубов тоже. Были книжонки вроде жития святых да гнусной стряпни погромщиков из Троице-сергиевской лавры и Соловецкого подворья в Архангельске. Вся «культура» сводилась к пьянке, дракам, картам, матерщине да хождению в церковь.

Для рабочих были общежития-казармы, которые стояли на болоте и к ним шли с бирж жидкие мостки. Летом в казармы тучей летела мошкара, а зимой ночью отовсюду вылезали клопы и прусаки. В казармах было грязно, накурено, печи дымили, в разбитых окнах висели куски фанеры, тряпок,

рогожи. Зимою сквозняки гуляли по казармам, несли простудные болезни. В общежитиях стояли общие нары, как в ночлежках. В казармах протапливали вересняком печи, дым мотало тучами. Днем они были на замке, их открывали только вечером, после работ.

Вечером шла картежная игра, пили водку, верещали назойливо гармошки, под шумок шло рукоприкладство. Столовых не было, питались рабочие всухомятку или сами поочереди готовили пищу на дворе.

Летом, в засуху горели биржи. Виновников не находили. Писали в полицейских протоколах: «поджог от невыясненных причин», а поджог шел от хозяев. Биржи были застрахованы по высоким расценкам. Купец ничего не терял, но зато горели казармы, горело убогое барахло рабочих, их сбережения, им никто не платил. Несчастье привязывало рабочих к своему «благодетелю»-хозяину крепче, чем долги. Пожар был маневром, удерживающим рабочих в хозяйской кабале. Разумеется пожар не тушили. При пожаре вечно были неувязки: то ржавые стаканы насосов не работали, то — попорчены были шланги, рассохлись бочки и колеса у телег, то не находили воды, то лестницы оказывались перебитыми. У багров и ухватов не было рукоятей, — они еще в лесу росли, качали зеленой вершиной. Биржи горели, как свечки. Тушить было немыслимо, особенно если поднимался ветер. Сухой, смолевой пиловочник горел на лету. Горели казармы и даже лес в штабелях. Кое-кто под шумок тащил то, что плохо лежало.

Все начальство раболепствовало, выражало доверенному соболезнование. Нарочный вез на телеграф печальное известие хозяину. Кое-где около казарм метались рабочие с иконкой «неопалимой купины», думая помочь тушению. Ветер носил космы дыма, огонь языками жрал на лету легкие стены казарм, балки рушились, качаясь на стропилах. Так сгорали заводы Вольгофа, Фонтейнеса, Кыркалова, Прютца и «Экономии». Разумеется купцы выстраивали новые заводы, получив страховые. Но рабочему от этого было не легче, его выбрасывали на улицу погорельцем, ему приходилось ждать, пока хозяин вновь примет его в кабалу.

Заводские лавки давали рабочему в кредит гнилой, залежалый товар, но брали за него втридорога, и заборы по кредитной книжке с'едали две трети всего заработка рабочих за месяц. А у семейных была только одна забота — отрабатывать долг по заборной книжке.

Рабочий находился в полной зависимости от хозяина и должен был исполнять все, что ему прикажут. Неисполнение распоряжений мастера или управляющего грозило увольнением. Увольняемому давали книжку с указанием причин увольнения. Это был — «желтый билет», и с такой рекомендацией нечего было и думать поступить на работу к новому хозяину. Вечная угроза быть выброшенным на улицу понижала сознание рабочего, вытравляла в нем дух гордости, независимости, воспитывая рабские навыки. Он учился выслуживаться перед мастером, раболепствовать перед доверенным. Он чуждался коллектива, в страхе пе-

ред голодной смертью не умел постоять за себя и зачастую в забастовке становился предателем.

Грамотных было 20 процентов. Да и то такой грамотный еле умел читать и разбирать написанное. Рабочих, которые знали бы, в чем причина рабства и забитости их, почему нельзя им лучше жить — было мало. А если и появлялись у кого такие вопросы, то они пресекались в корне. Преследовалось даже чтение какого-нибудь простого романа или рассказа. Десятники и мастера доносили о грамотных рабочих кому надо, и за ними усиливали надзор, а то и увольняли. За политику угоняли в «Мильошку» — в тюрьму в Архангельске. Табельщики в графе отметки против таких фамилий ставили крестик и отметку: «Выбыли по собственному желанию». При каждом заводе жили жандармы.

На севере ссыльных было много, но общение с ними грозило тюрьмой. Те, кто понимал, за что ссыльные боролись, считали их мучениками, борцами за народ. А те, кто не знал, видели в них бунтарей против царя. «Политиканта» все чурались, и если он убегал, его ловили как мелкого воришку. Заводские попы неравенство людей об'ясняли волей бога. Грех и спасение — два кнута, на которых выезжал поп. Многие верили, не боролись со злом и рабством, а молились. Церковь была занята одной мыслью: отвлекать рабочих от борьбы с царем и капиталистом. До 600 церквей и монастырей губернии были заняты работой по оправданию грабежа крестьян и рабочих купцами, помещиками, фабрикантами. Двадцать восемь тысяч рабочих со-

здавали капитал, давали возможность купцу весело проживать деньги. Купечество охватило север, как гигантский спрут, и высасывало все живительные соки края.

Только Октябрь освободил его от гнета и произвола.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. НА СОВЕТСКИХ ЛЕСОЗАВОДАХ

После гражданской войны лесозаводы стали неузнаваемы. Старый быт треснул по всем швам. Новыми заборами, как белой ниточкой, огородились лесозаводы. В стужи, в морозы, оттаивая мерзлую землю кострами, в субботники рабочие рыли ямы для столбов. Пилили тес к широким расшивинам, еще пахнущим смолой и бором, прибивали доски. Носили на плечах из леса хвою, отход, лежавший годами под откосами и в оврагах; замащивали выбоины мостовых на бирже. Подсучив рубахи до пояса, бродили в воде, выволакивая коряги, затонувшие у молов, и крепили береговую линию. Конопатили казармы, перебирали полы, потолки, остекливали рамы, перекладывали печи и устанавливали нары.

К пуску завода встали рано утром, когда в окна слабо просачивался жидкий рассвет. На нарах шла возня, одевались на-ходу, готовясь на работу. За деревянными, сбитыми из досок столами сидели строгие и торжественные, обдумывая, как начать дело. Напились чаю, степенно гуськом вышли на биржу.

По шлюзу будто гусеница, позвякивая цепями, проползло первое бревно. Бревно в воде пузырило воду и гоняло шмотья пены. На гладкой, будто отполированной, плоскости стыла ажурная корка слюды. Сбивая кондаком до хрустального звона наледь, бревно подхватил пильщик. Комлевой подал к раме. Рама фыркнула, и серебряные диски пил впились в бревно, раздирая сосновое мясо. Рябуха поволокла настойчиво бревно в раму. Отряхнувшись белыми опилками, бревно выкатилось из рамы и развалилось на шесть неровных досок.

Гудок сверлил воздух будто пітопор. Деловито слушали приказ старшего:

— Гусев, на речку к обрезной! Березин, на запас!

Машинист уверенно повернул рычаг. Главное маховое колесо с шипом завертелось, скрипнули свисшие ремни, рванулись, громко звенькая, барабанные цепи.

Горбовщица отняла бока. Ролики подошли, угрюмо звенькая, и увезли доски к обрезному станку. На бассейне гоняли баграми бревна. Они бултыхались, повертываясь в воде, гоняя за вершиной темные воронки. Подводчики ухмылялись: «Ишь ведь! Много ли повоевали, а руки будто чужие, и бревно не слушается...»

По шлюзу точно живые ползли сосновые «черепахи».

Завизжали звонко обрезные, подбрасывая над досками опилки. Заревели ребровые станки. Зашипели сортовые. Заворчали диленные, посвистывая остроребрыми диленами. Вереницами пошли воза

вагонеток с свежепиленными досками к штабелям. В узких биржевых проулках загудели молодые голоса, молодая звонкая песня. На штабелях у лесооткаток зашипели лебедки, закопошились рабочие.

Угрюмые, попыхивая клубами дыма, подошли лесовозы. Пришвартовались к молу, стали черные и молчаливые. Краны молчали, цепи не звякали, грузить было еще нечего, да и везти некуда; с заграницей не было связи.

Ходили рабочие сосредоточенные и суровые. На заводских собраниях речи были отрывисты и коротки: приложить все силы, вдохнуть живую жизнь в заводы, усилить производительность, улучшить продукцию!

Пытливо спрашивали:

— А куда продукцию-то?

И успокоились, когда раз'яснили:

— А разве мала наша страна? Мы только кончили войну, у нас прорех, язв, дыр, которые надо чинить, латать, не счесть. На сто лет, если все заводы пустить, хватит работы на внутренний рынок.

Другие покачивали головами:

— А как повезете в баржах, в перевалках тес крушить будете, ведь дорога железная кое-как продовольствие подает, куда уж там лес перевозить?

Общий гомон поглощал эти голоса.

— Не отступать ни шагу назад, крой на все, заводи квашню, будет, и так без дела слонялись!..

В заводских казармах до полуночи на койках шли разговоры о работе. С утра шли на биржу, к

бассейну, к лесотаске, к раме, к штабелю для упорной, горячей работы. На обеих сторонах Маймаксы задымили заводские трубы. Пустили три завода. Биржи зашумели, загомонили сотнями голосов, заухали звонкими, серебристыми сиренами. За Маймаксой ожила и Бакарица. Во время войны на Бакарице взрывом разворотило землю, бараки и убило до сотни грузчиков. Теперь очищали от пустых стаканов из-под снарядов и засыпали черные, оголенные водой ямы. Сносили в склады ржавые до желтизны круги колючей проволоки. Убирали доски, лес. Носили плечом шпалы для прокладки рельс для вагонеток. Стучали до устали топорами. Углубляли бассейны. На мол возили бревна, делали взажим клетку, крепили ее скрепами из железа и опускали в воду. Хвою косили из болота плечом, землю — тачкой. Грязь кисла под ногами и засасывала ноги обутые в лапти. Руки пухли от кровавых мозолей. Приспособили лямки. С гамом и «Дубинушкой» подлезали под бревна партиями. Резали из водянистых и вспухших бревен, гниющих на барже дрова для казарм. Подбивали досками шлюзы. Чистили до блеска машины. Сбирали в кучу балки, колосники, фермы грузили на вагонетки и гнали в литейную. Конопатили баржи. Осмаливали днища, навешивали рули. Шили новые лодчонки и баркасы. Крепили на «портомое» плотики, где прачки усердно работали вальками. Привыкли все, от мала до велика, к общественности, к коллективности, к сознанию, что «все за одного и один за всех».

После Маймаксы ожили Кузнечиха и Соломбала.

Задымили трубы лесозаводов, зажикали сочно пилы, раздирая кондовое тело бревен.

На субботники ходили все скопом, с рабочим-директором во главе. В чистенькие, выкрашенные вагончики с гербом РСФСР грузили первые партии пиловочника, отправляемые по нарядам в город. В заводских лавках заработала кооперация. В уютном домике управляющего была открыта столовая. При каждом заводе открыли клубы и библиотеки. Заводы назвали по номерам, об'единив их, впоследствии в один трест. Директора свои, из рабочих, свои инспектора труда и фабкомы.

Теперь лесозавод совсем не похож на прежний. Начиная от укладчика дилен и до директора — это один коллектив, одна рабочая семья. В конторе нет швейцара в галунах, и наем рабочей силы идет через биржи труда. Инспектор по охране труда — партиец, зорко охраняющий труд рабочего. Устраиваются ограждения у пил, сетки у цепей, вентиляция, выдаются спецодежда, мыло, соблюдается норма рабочего дня. Конечно и инспектор труда за расширение производства, за рационализацию, за удешевление продукции выходящей с завода, за увеличение брони подростков и т. д., но только при том условии, чтобы это шло не за счет ухудшения жизни рабочего и увеличения рабочего дня.

Старыми хозяевами было измочалено, выжато все, что можно выжать из машин. Вот мы и латаем, чиним, меняем, выбрасываем старые машины, заменяем их новыми... На заводах имеются свои рационализаторы, изобретатели. Чаще—это рабочие.

На производственном совещании одного завода в прениях выступил паренек:

— Товарищи, позвольте речь сказать. Я об опилках скажу. Вот они на биржах гниют, а ведь это разор и не резон. Если бы это в котел да нашуровать дров туды, оттуда, я думаю, продукт вышел бы!..

Предложение паренек сделал серьезное и ушел, тяжело топоча сапогами. И что же? Теперь опилки с заводов идут на химпродукты. Да мало ли таких разумных предложений легко выполняемых при небольшой затрате средств? На дымовые трубы надели сетки — предохранители от пожаров. Стоят паровички у шлангов с водой на случай пожара. Устроен непрерывный конвейер[1] по подаче леса и готового пиловочника к штабелю. Изобретено новое устройство пил и т. д.

На заводе № 25 рабочий-активист т. Рохачев предложил упростить подачу бревен к раме и пиловочника на биржу: сортировку толстых досок вести на бирже, а не в сортировочной.

Из завода доски по транспортеру идут на площадку. С площадки в вагонетках на биржу прямо в штабеля. Все это дает прибыли тысячу рублей в год. Освобождается диленная дроворезка (ее передали другому заводу). В связи с уменьшением проводки досок с одного станка на другой уменьшился расход электроэнергии. Упростили и ускорили обработку бревна почти наполовину.

На заводе № 3 предложения не менее ценные

---

[1] Конвейер—сплошная механическая движущаяся лента.

и необходимые: провести транспортер[1] для подачи досок на биржу от рамы, устроить груз к тележкам впереди рам, в амбаре устроить транспортер для подачи сортовых досок к стенкам (все это дает экономии тысячу двести рублей в год).

На заводе № 2 доски к штабелям испокон веков носили на плечах, набивая мозоли, а теперь эти доски подают к штабелю по рельсам на вагонетке.

Много радости вызвал первый лесовоз, уходивший с партией бревен на иностранный рынок. На лесовозе всю ночь горели огни. По сходням трапа взад и вперед проходили рабочие посмотреть вместительное чрево черного лесовоза и погруженные партии досок и бревен. Лесовоз шел под советским флагом. Капитан был из старых морских волков, а низкорослые косолапые кряжи-матросы выглядели именинниками. Утром сирена, захлебываясь паром, заорала, настойчиво и тревожно возвещая об отплытии. Капитан с рупором, в полушубке и кожанке, суетился на мостике. Захрипел крюк, выбирая якорь. Резко щелкнув концами, в воду скользнули чалки. Провожали речами. Рабочие заняли набережную биржи. Лесовоз отделился от набережной. На реке еще синел лед, зияющий в голубоватых изломах трещин хрустальными искрами. Накануне Маймаксой к морю, подминая под себя льды, ушел ледокол. За ледоколом синела взбаломученная винтом кайма воды с квадратными синими обломками льдин. Ледокол ледорезом крошил лед, мял под себя, и винт выбрасывал в воздух куски льда.

---

[1] Транспортер—механическая лента.

СОВТОРГФЛОТ ЗА 1927 ГОД ИЗ БЕЛОГО МОРЯ ВЫВЕЗ 20 800 СТАНДАРТОВ. ЗА 1928 ГОД 40 ТЫС. СТАНДАРТОВ. К 1933 ГОДУ БУДЕТ ВЫВЕЗЕНО 250 ТЫС. СТАНДАРТОВ.

Лед падал на плотную кромку, звенел хрустальным звоном. На палубе лесовоза матросы махали шапками оставшимся на берегу. С берега кричали: «ура» и махали ответно: «Возвращайтесь домой!» С моря шла моряна [1], лед набух и вздулся, потрескивая около берегов. Ветер нес морские соленые волны, пронизывающие до озноба. Было светло. Стояли, не уходили, пока лесовоз не стал точкой. Точка растаяла. Ушли домой к чаю, потом к станкам. На работе переговаривались: «А ну-ка шторм, крен, да зальет люки, потопит товар?» Утешали: «Не впервой. Этот капитан-то по морскому делу собаку с'ел. Сказывают, всех морское поветрие перевертит, а его хоть бы хны, как железный... Помор-моржеед, что ему, на роде вырос, на воде и умрет. Мы посуху ходим за землю держимся, а он океаны пересекает». Страхи исчезли, как узнали о благополучном прибытии лесовоза в порт.

Позднее не удивлялись лесовозам, идущим Майманксой.

Совторгфлот за 1927 год из Белого моря вывез 20 800 стандартов. За 1928 год 40 тысяч стандартов. А к 1933 году (на своих лесовозах) будет вывезено 250 тысяч стандартов стоимостью в 7 миллионов рублей. Новые хозяева — рабочие вкладывают все усилия, чтобы наладить дело. Производственными совещаниями разбудили творческую мысль рабочих.

В 1929 г. переоборудовали 9 заводов, вложив миллион рублей. На 30 тысяч стандартов в год уве-

---

[1] Моряна—морской прибой—прилив.

личилась производительность заводов. Выбросили 22 рамы, заменив быстроходными. Ввели механическую подачу бревен из штабелей в бассейны. Расширили биржи. Ввели дополнительные сооружения по выкатке бревен. Три завода перевели на трехсменную работу. Провели при помощи и по почину газеты «Волна» смотр и перекличку заводов: «За дешевую и хорошую доску!»

Все заводы были вовлечены в соревнование. Вместо 650 бревен в смену стали распиливать 900 бревен и делают это чище и лучше. Провели производственные совещания, смотры, выявив ряд преданных работников, стали равняться по ним и другие. Соревнование превратилось в метод работы. По всесоюзному конкурсу лесозаводов, об'явленному ВСНХ, первую премию получил архангельский завод № 25.

Завод этот не из новых, не блещет ничем особым. Это старый завод на Маймаксе в 20 километрах от города. Амбары, как у всех — крытые в наброс, длинная неуклюжая громадина завода, почерневшая от времени. Полатанные станки в обрезочной. Только люди не те, что работали на хозяина. Сами хозяева у станка и штабелей. Бородачи в поморских фуфайках в бродних провели коренную встряску на заводе. У прежнего хозяина лес катали воротяшками, доски носили плечом. Бревна подавали к бассейну, зацепив крюком под вскрик десяти глоток: «Мы хозяина уважим».

Теперь пила ворчит и негодует, раздирая доски, но у пилы толчок-автомат, изобретение т. Томарова из Государственного института по охране тру-

ВСЕ ЗАВОДЫ БЫЛИ ВОВЛЕЧЕНЫ В СОРЕВНОВАНИЕ

ВМЕСТО 650 БРЕВЕН В СМЕНУ СТАЛИ РАСПИЛИВАТЬ 900 БРЕВЁН

да. Тот же бассейн, только расширенный и утепленный, позволяет круглый год гонять к шлюзу бревна. Цепь, натужась подхватывает бревно, несет к раме, а рядом идет другая цепь за вторым. Вот оно остановилось на мгновенье, вздрогнуло и легко легло на тележке. Тележка пошла, а бревно, зажатое рамой, визжит.

Доски подают в штабель транспортеры — непрерывные ленты. Смолистый запах волной плывет над биржей. В этих штабелях лежит лучшая экспортная доска. Премия, полученная лесозаводом, дала добавочные средства на дооборудование завода и внеочередное разрешение на ввоз машин из-за границы. В помощь заводу № 25 растут новые заводы в Мезени. Лесозавод — Гигант № 48 уже пущен в ход. Этот завод перекроет все имеющиеся до сих пор заводы. На нем все механизировано. Установлено 8 рам и американский многопильный станок.

Конвейер поднимает бревно будто пёрышко, 1½ минуты — и бревно прошло раму. Доски идут к обрезным станкам по конвейеру, а потом на биржу. Автоматы сбрасывают доски без помощи человека. Автоматические тележки у рам. Все это крутится, несется, ворочается и подает бревна, доски, рейку, дилену. Стульчак после опила идет в дробилку, а там в кочегарку на топливо. Опилки идут в газогенераторную установку. Непрерывные ленты связали завод кругом. Склад подает лес в бассейн. Потом в обрезную на сортовой станок. Подсобные цеха по обработке дерева находятся в особых помещениях. Кочегарки и силовые установки тоже.

Отдельно выстроены пилоточка и слесарная мастерская. Лесопильный амбар, сортировочный и деревообделочный цеха. Две турбины в 1 800 киловатт питают электроэнергией завод. Вырабатывает завод 40 тысяч стандартов в год, то есть в два раза больше того, что вывезли за границу в 1927 г. все лесовозы Совторгфлота. Завод с постройкой пяти домов для рабочих, клуба, столовой и кооператива стоил восемь миллионов рублей.

Число рабочих-лесорубов в двадцать тысяч считалось хозяевами предельным. А ныне число рабочих достигло 100 тысяч. 77 миллионов рублей отпускается на постройку новых заводов. Число рабочих к концу пятилетки при развернутом темпе строительства на севере дойдет до полумиллиона. Трест Русс-Норвеглес вкладывает 43 миллиона рублей в пятилетку на строительство. Будут построены два новых завода. Один на 12 рам с выпуском 320 тысяч кубометров древесины в год. Целлюлозный завод даст в год 100 тысяч тонн целлюлозы.

Вокруг таких опорных участков растет актив, начинают работать рабкоры.

Теперь уже есть 200 рабкоров лесозавода. Эта армия рабочих зорко стоит на страже производства и своими заметками способствует очищению производства от лодырей, прогульщиков, расхитителей советского имущества.

Стенные газеты не мало вычистили и гнили и нечисти с заводских бирж. Проведенный смотр стенгазет лесозаводов показал, какой громадный слой рабочих вовлечен в самокритику всех отрас-

лей лесного хозяйства. Стенгазеты одни из первых об'явили войну «зеленому змию» и выступили застрельщиками по организации кружков «борьбы с алкоголизмом». Они первые высмеяли и обличили пьяниц и прогульщиков.

Прогулы — «болезнь» рабочей семьи. Прогулы составляли на некоторых лесозаводах 20 процентов общей посещаемости завода. Особенно велики были прогулы после праздников. От этого происходили простои, недовыработка и снижение норм производительности. Прогулы по заводу № 24 составили за февраль 1930 г. 1150 дней. Рамы стояли, не было пара, то лопнул ремень, то менялся постав из-за поломки зубьев пилы. По всем заводам было 26 500 прогулов. По 14 заводам прогул за сентябрь был в 1 239 дней. И после того как некоторые попали на черную доску — прогулы сократились.

Велик процент несчастных случаев. Так за год по 11 заводам было 2 133 несчастных случая. На заводе Ленина в 1926 г. число несчастных случаев на тысячу было 302, в 1927 г. — 360, в 1928 г. — 440. Все это заставило профсоюзы об'явить кампанию по раз'яснению рабочим мер предосторожности. Большое зло заключается в текучести рабочей силы: постоянная рабочая прослойка незначительна — 25-30 процентов, остальные рабочие проходят через фабрику, как через «проходной двор», отсюда и брак продукции из-за неопытности, неприспособленности рабочих. В производство приходит прослойка молодых рабочих из деревни.

Со всеми недостатками и недочетами партия и профсоюзы проводят решительную борьбу.

Ведется и все обостряется борьба с кулаком, который во время лесозаготовок организует лжеартели и потом отказывается от работы, увлекая за собой часть середняков и даже бедноты.

Являясь владельцем лошадей и располагая излишком рабочей силы в семье, кулак борется против привлечения на лесоразработки бедняка и маломощного середняка. Он всячески противодействует требованию лесозаготовительных органов о раз'единении работы по рубке леса и по вывозке его, которое дает возможность безлошаднику и маломощному середняку работать на лесоразработках.

Газеты и ее актив — рабкоры выявили немало фактов головотяпства и бесхозяйственности администрации.

Эти кулацкие вылазки не всегда разоблачались работниками лесозаготовок, а из-за этого срывались заготовительные планы (до 50% месячного плана), срывался лесосплав. Весной 1929 года много леса обсохло в верховьях рек, потому что некому было сплавлять его.

Стенгазета лесозавода отметила такой факт: завод № 49 привез трактор, бросил его, он испортился, стали чинить, ухлопали 1800 рублей; послали на лесозаготовки, он вывез 480 бревен и стал. Рабкоры не успокоились, заявили в РКИ. Виновников отдали под суд, а трактор после основательной починки работает в лесной базе.

Завод № 22 выстроили в низком месте, в наводнение затопляет завод и биржу, и завод вынужден два раза в год по месяцу стоять. Об этом заводские рабкоры забили тревогу, и завод теперь переносят.

Газета на лесозаводах стала необходимейшим культурным пособием рабочих, интересующихся стройкой в СССР. Нет уже рабочих-одиночек, читающих украдкой буржуазную архангельскую газетку «Северное утро». Теперь газета на заводах выписывается в среднем по одному экземпляру на четырех рабочих. Покупка газет и журналов стала неизменным расходом в рабочей семье.

При каждом лесозаводе есть клуб, где идут кинокартины с дешевыми билетами в 15—20 копеек. Кино-залы во время сеансов всегда набиты битком рабочими. Революция выдвинула ряд способных рабочих и приобщила их к культуре. Северян. учащихся в вузах и рабфаках, очень много. Особенно это заметно по зырянской области Коми, раньше стоявшей совсем особняком.

Революция дала право на развитие этой забитой и темной при царе национальности. Теперь из ее недр выходит целый ряд ученых, писателей, общественников. Интерес к культуре у нового рабочего — необычайный. Тяга в рабфаки, техникумы. кружки самообразования — большая. Заочников, обучающихся у себя на дому, насчитывается несколько тысяч. Ликпункты на заводах не могут вместить всех желающих обучаться грамоте.

Безбожники-рабочие лесозаводов закрыли шесть церквей и добились запрета колокольного звона.

К пятнадцатилетию советской власти культурники Севера поставили себе задачу окончательно ликвидировать неграмотность. И это будет сделано. В первую очередь неграмотность ликвидируют работницы, жены рабочих—делегатки.

Неграмотная работница через ликпункт получает знания, а через делегатские собрания приобщается к общественности. В ряды ленинской партии вошел отряд старых работниц и рабочих с производства. В помощь партии и комсомолу на лесозаводах большой актив беспартийных.

Пионерские организации имеют свои клубы и их отряды по лесозаводам округа насчитывают тысячи детей трудящихся. Когда еще поселки спят, бодрая дробь барабана собирает ребят на площадку... Полыхая сползающими набок галстуками, ребята сбегаются, строятся в колонны и с песнями идут в лагери, купаться, загорать на солнце. Без побоев, без запугивания растет новый ребенок. Растет выносливая, здоровая смена. Детские сады и ясли имеются на каждом заводе.

Вот детский сад № 5. Громадное здание, раньше особняк управляющего заводом. Паркетные полы, мягкая мебель, масса света и воздуха, цветы. Ребята под наблюдением воспитательницы лепят из глины фигурки, рисуют и т. п.

Только свободный ребенок, окруженный вниманием и любовью, может свободно развиваться, говорить и мыслить. Детдом в Морозовице, организованный в бывшем монастыре, выпустил уже не одну сотню детей в фабзавучи. Ребенок от улицы, водки, мата пришел к трудовой и культурной жизни.

Рабочие поселки заменили старые хозяйские казармы. Жилкооперация насчитывает не одну тысячу членов, и площадь вновь выстроенных домов исчисляется в тысячах метров. С каждым годом увеличивается число поселков с благоустроенными

домами, с прачечными, столовыми. Поселок разрастается вдоль по течению Маймаксы, около лесозаводов, отнимая у болот новые площади. Рабочие лесозаводов теперь уже не едят всухомятку, а обедают в чистых заводских столовых.

Бани, прачечные, дома-коммуны при заводах — это ли не новая коллективная жизнь? Изменился быт, рабочие ушли от грязных казарм с клопами, прусаками, иконами, развaленными уборными в чистые, светлые казармы с яслями, прачечными. столовыми и т. д.

На заводах хорошо поставлена интернациональная работа. Сотни тысяч рублей были переведены бастующим китайским рабочим и английским горнякам. Устраиваются товарищеские вечера вместе с иностранными моряками. В рабочем выросло крепкое чувство солидарности к трудящимся любой национальности.

В 1905 году рабочие ходили по городу с пением гимна «Боже, царя храни», теперь же рабочий, — сознательный защитник своей страны, хозяин завода. Мыслимо ли было раньше общение с иностранным моряком? Это запрещалось, да и сам иностранец чурался «сиволапых» русских.

Теперь же иностранный моряк — друг русского рабочего. Суда встречаются радостно, рабочие ведут моряков в клуб. Завод № 4 провел смычку с командами двадцати трех пароходов,, в заводе перебывало пятьсот иностранцев. Клуб в это время представлял шумный базар восточного города.

Загорелый, в феске, с оливковой кожей, турок читал в библиотеке журналы. Бритые, сухие, подвиж-

ные англичане сидели над шахматами. Швед в русской косоворотке, из-под расстегнутого ворота которой виднелась полосатая фуфайка, кружился под звуки вальса с работницей. Блестя жемчужным оскалом зубов, расхаживали с комсомольцами под руку негры.

Иностранцев водили на биржи, в амбары, показывая механизацию заводов, в школы, детясли, сады и кино. Весело пожимая загорелые теплые руки братьев по труду, сообщали: «Все наше, сами хозяева!»

Рассказывали о курортах, куда посылают рабочих от станка, о социальном страховании, обеспечивающем инвалидов, стариков, больных и беременных, о работе профсоюзов, делегаток, пионеров и т. п.

Иностранцы удивлялись рассказам, не верили своим глазам, восторгались и не уставали повторять:

— Русс карашо!

На митингах, до хрипоты в голосе, они рассказывали на незнакомом гортанном говоре о жизни за границей.

— Профсоюзы у нас влачат нищенскую жизнь,— рассказывали иностранцы. — Живут на подачках, подбирают крохи, падающие со стола богатых... Большая доля средств профсоюзных касс опустошается чиновниками от профсоюзов, продающих наши интересы капиталисту. У нас нет таких отпусков, на курорт попасть рабочему немыслимо. Изувеченному рабочему хозяин не платит пенсии, старики выбрасываются на улицу. Нет у нас своих клубов.

библиотек. В прибыли хозяйской мы не вольны, в ней участвует только кучка фабричной администрации. Работница у нас по беременности отпусков не имеет.

Говорили иностранцы и о том, как под внешним видом (костюм и цилиндр на прогулке в праздник) скрываются чахотка и обреченность на смерть. Да и то это у высокооплачиваемых рабочих, а остальные живут в черном теле, влача нищенскую, полуголодную жизнь. Если еще и держится капиталист, не разоблачен социал-фашистский профсоюзник, то только благодаря умелому обману и агитации газет, церкви и кино, помогающих одурачивать рабочих:

— Нас пугали Россией,—рассказывают моряки, — говорили: «У них людоедство! Рабочих нет, а есть рабочий скот. Женщины общие, артельные. Правят вами похуже, чем царь...» — А мы теперь убедились в ином. Ваша женщина свободная, и вид ее, проходящей по городу или фабрике говорит что ее не купишь, она свободный работник. Мы видим, что у вас хозяев нет, вы сами хозяева.

Моряки удивлялись тому, что у нас работницы поставлены на ответственную работу.

— У нас думают, — говорили они, — «что баба не сдюжит». — Работница у нас ниже оплачивается и больше эксплоатируется. Вот у вас работницу Евгению Гольм, проработавшую 39 лет на заводе, назвали «героем труда», дали пенсию и хорошую квартиру. А у нас работают и умирают за станком, но если и есть пенсии, то нищенские и выдаются они одиночкам, а не всем. Рабочие завода № 25 у вас вот за три месяца по 15 процентов от зарплаты

положили на сберегательную книжку, а наши рабочие ведут полуголодную жизнь. У вас трест «Северолес» отпускает деньги для постройки театров на тысячу человек, а наш хозяин занят тем, как бы задержать культурное развитие рабочих, а то, много узнают и — бунтовать будут! У нас устраиваются на деньги хозяев только церкви да воскресные школы, где ведут попы беседу о том, как спасти душу. Но мы знаем, как ее спасать! Вот этак! — И здоровый, волосатый кулак говорившего моряка показывал, как надо бить хозяина.

На прощанье наши рабочие, провожая иностранцев, говорили:—Присылайте ваших рабочих к нам жить, страна у нас большая, всем дела хватит.

Несмотря на большие успехи в нашей лесной промышленности, все же в работе лесозаводов есть недостатки.

В постановлении Центрального комитета партии от 13 января 1930 года по докладу крайкома партии указываются следующие недостатки: невыполнение плана на 5 процентов, программы вывоза — на 23 процента. Неувязка при сплаве, а иногда и явный оппортунизм со стороны лесозаготовительных организаций. Поздняя завозка продуктов в районы лесозаготовок, задержка зарплаты лесорубам, вместо 7 процентов снижения себестоимости продукции лесозаводы снизили ее на 4,1 процента, а по Северолесу — даже повысили до 4 процентов в среднем.

Увеличились прогулы на 75 процентов против прошлого года и отмечено отставание производительности труда от роста зарплаты.

Краевая печать правильно отмечает такие неувязки в работе «Северолеса», как например недопустимое отношение работников «Северолеса» и специалистов лесного дела к работе, невнимание к вопросу об использовании некоторых сортов бревен.

Результатом бесплановогo хозяйничанья в лесном деле была огромная перестойность лесов, лес сгнивал на корню и давал малоценную древесину.

В соответствии с постановлением Центрального комитета работа по изживанию недостатков началась. Лесопромхозы усилены работниками, выделенными на рабочих собраниях. Увеличено количество тракторов для лесозаготовок. Усилено снабжение лесозаготовителей рабкоопами.

Текучесть рабочей силы прекратилась в связи с вербовкой постоянных кадров лесных рабочих. Широко поощряются ударные бригады и социалистическое соревнование между ними. Введено премирование лучших бригад. На места лесозаготовок Москва послала 500 комсомольцев. Заводы выделили бригады, а окружные газеты организовали в лесорубных районах свои газеты.

II. ВЫПОЛНИМ ПЯТИЛЕТКУ!

Лесная пятилетка совершенно изменит лицо Северного края.

Новые лесозаводы охватят миллионы гектаров лесной площади.

Лесная пятилетка призовет к жизни тундру, не знавшую людей тысячи лет. Там будут открыты оленеводческие питомники. Там, где за Мезенью и Печорой лег Тиманский кряж, будут организованы

оленеводческие колхозы. Пятилетка разбудит тайгу, занявшую третью часть Европейской России и идущую к Белому морю.

Чем ближе к морю, тем реже становятся леса, идут тундры, вечная мерзлота. Над тундрами половину года висят серые полотнища туманов. Непрерывные дожди идут летом и осенью, а в зимы стынут под испепеляющим дыханием мороза необозримые снега. Чахлые деревца с ползущим корявым корнем, ягодники, мох ягель, — вот и вся растительность тундр.

Огромная, в миллионах километров, земля легла за полярный круг. С ноября по январь солнце показывается на час-два после полудня. Зато с мая до июля полуночное солнце не сходит с горизонта, и стоят белые ночи.

Долгая зима держит в об'ятиях тундру. Месяцами стоят жестокие морозы.

Короткое лето спешит украсить редкие кустарники чахлой ели. С августа начинаются первые заморозки, и иней белым налетом лежит на мхе.

В то время, как на юге Союза цветут миндальные деревья, а в центральной полосе леса покрываются зеленой листвой, в Архангельске только начинают таять сугробы снега.

Когда север будет связан железной дорогой с промышленными районами, изрыгая дым и пепел, в тундру врежутся железные кони, машины обработают торф, который пойдет на топливо для электростанций. Осушатся болота, и воду из отстойных ям отведут в каналы. Тракторы распологуют на квадраты болота и превратят их в цветущие поля.

Комбайн пожнет тучный колос, свяжет в сноп, обмолотит, провеет зерно и подаст хлеб мешком. Заболоченные места после осушки будут давать урожаи травы.

Северный край теперь дает половину общего лесоэкспорта страны, поэтому он требует к себе огромнейшего внимания. Вывоз леса с каждым годом будет возрастать. Этот рост усматривает пятилетка. На переоборудование заводов и на увеличение лесозаготовок Севера должно быть отпущено 76 миллионов рублей. Около ста миллионов гектаров лесов, удобных, расположенных около рек, заставляют ускорять развитие лесной промышленности. Беломорская сосна и вологодская елка за границей пользуются огромным спросом. Вывоз леса за пятилетку увеличится втрое.

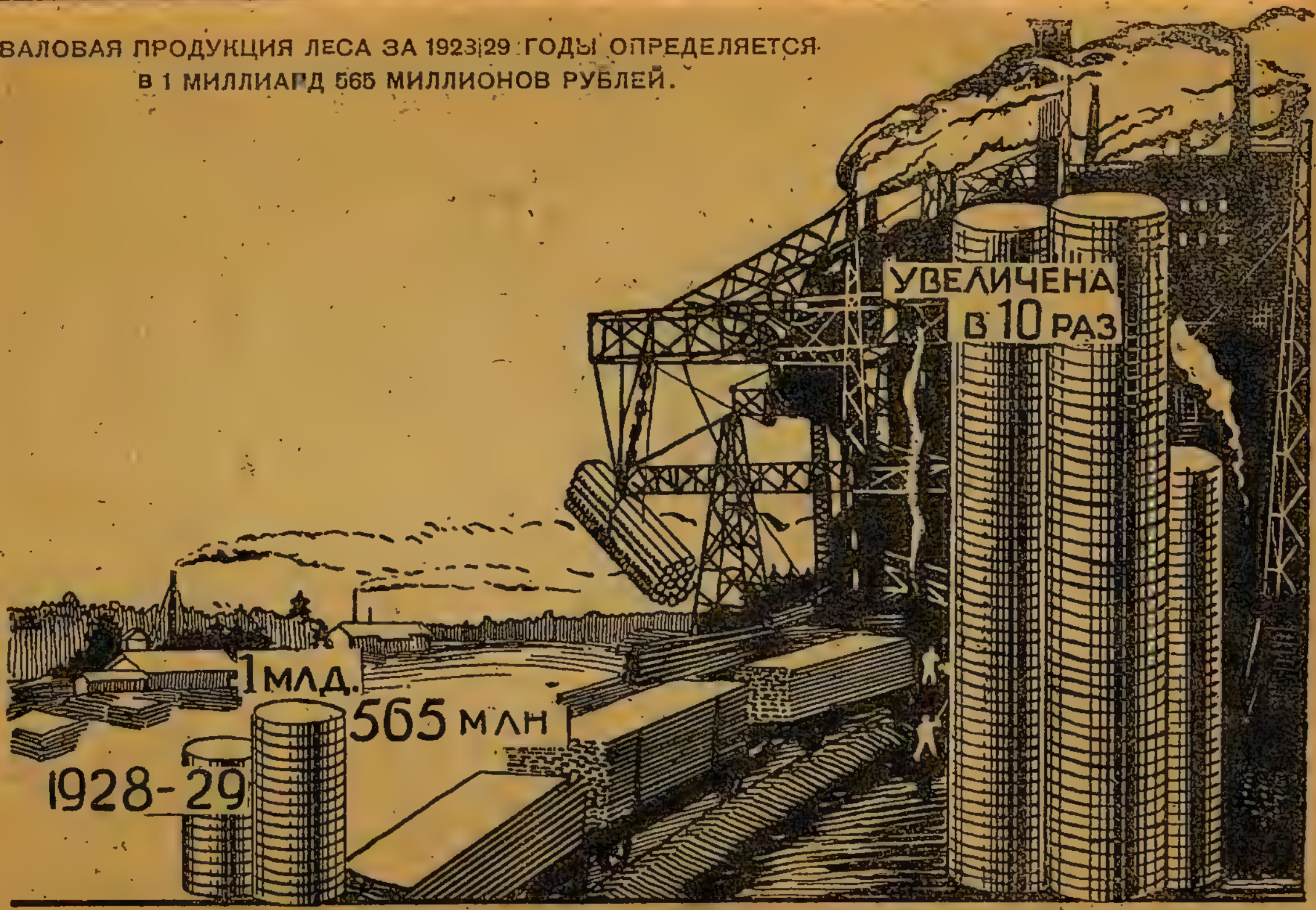
Теперь Северный край районирован на различные по хозяйственному значению районы, — от хлебопашеского, скотоводческого до охотничьего включительно.

Северный край — это один из крупных районов северо-восточной части Союза, между тем население его составляет всего лишь 2 миллиона 355 тысяч человек, т. е. два жителя приходится на 1 квадратный километр. Поэтому заселению края уделено большое внимание. Особенный размах может принять заселение с проведением железнодорожных путей линии Пинюч — Сык — Тывар (Усть-Сысольск) — Котлас — Сорока. К постройке первой линии уже приступили.

Рыбные богатства реки Печоры и ее притоков не могут быть использованы полностью из-за отсут-

4. Леса севера.

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ЛЕСА ЗА 1923|29 ГОДЫ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ В 1 МИЛЛИАРД 565 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.



ствия удобных и постоянных путей сообщения. Морское побережье Северо-восточного района, где может быть развернута рыбная ловля и звериный промысел, не использовано полностью. Кроме того обширнейшие участки, теперь пустующие на Новой земле, могут быть культурными рассадниками оленеводства.

Развитие всех отраслей промышленности края вызовет усиленный приток новых людей. Одна только лесопромышленность может использовать полмиллиона человек для сплава и обработки дерева.

Пятилетка во весь рост ставит полное и коренное изменение лесного дела и лесопромышленности.

Дерево у нас потреблялось до сих пор, главным образом, как вид топлива, особенно для внутреннего рынка. Между тем пятилетка подводит нас к использованию древесины для других видов промышленности. У нас теперь начато уже приготовление картона, бумаги, искусственного шелка, взрывчатых веществ из дерева. За границей из сока клена добывают сахар. У нас же для этого был бы пригоден сок березы. Можно добывать из сосны канифоль и скипидар. Из лиственниц—терпентин, из пихты — пихтовое масло, которое перерабатывается в камфару.

Может широко добываться ряд дубителей для наших кожевенных заводов.

Перегонка дерева при высокой температуре на наших химкомбинатах даст древесный спирт, уксусную кислоту, смолу, деготь и уголь.

Древесина может быть превращена в глюкозу—

питательное вещество, пригодное как человеку, так и животному.

Какое значение имеет лес для нашего Союза можно судить по цифрам валовой продукции лесного хозяйства за 1928—1929 годы. Эта продукция

Лесная площадь СССР составляет 913 млц. *га*.

определяется в 1 миллиард 565 миллионов рублей. Но эта сумма могла бы быть увеличена в десять и более раз, если бы увеличить темп промышленности и вместо мелких заводиков создать комбинаты.

Каков же должен быть размах этой промышленности в связи с пятилеткой?

Нужно вспомнить, что лесная площадь Союза

составляет 913,5 миллионов гектаров. Это — 27 процентов, или более одной четверти всей площади лесов земного шара.

Но такая огромная масса лесных площадей, разумеется, не вся удобна.

Удобной площади мы имеем 384,4 миллиона гектаров, или 64 процента общей лесной площади.

Из этой площади мы разрабатываем только 157 миллионов гектаров, а остальное стоит на корню, сгнивает, увеличивая вредителей леса. В цифрах это представлено так: лесов государственного значения по СССР у нас 877 миллионов гектаров, местного значения 36 миллионов гектаров. Удобных лесов для эксплоатации 384,4 миллиона гектаров. Значит половина лесной площади СССР совершенно не использована. Древесины поделочной по Союзу мы имеем 61 миллион гектаров. Дровяной древесины 82 миллиона гектаров. Общий годовой доход при их обработке дал бы нам 243,5 миллиона рублей в год. Пятьдесят семь процентов добываемой древесины мы используем как топливо, а Германия и Швеция используют лишь одну треть всей добываемой ими древесины. За границей используются другие виды топлива: торф, отбросы и т. д.

До сего времени мы вывозили древесину в сыром виде, из-за границы же ввозили обработанный лес в виде целлюлозы, картона или бумаги, которые там вырабатывались из нашего же сырья.

За границей плохая доска склеивается, облицовывается и поступает на рынок для поделочных работ, а у нас такая доска идет в брак. Обрезки, рейки,

УДОБНОЙ ПЛОЩАДИ ИМЕЕМ 384 4 МЛН ГА.
РАЗРАБАТЫВАЕМ
157 МЛН ГА

опилки в Швеции идут в производство целиком, а у нас это гниет, как отбросы.

В Америке из опилок приготовляют муку для электроустановок, приготовляют плиты для полов, перегородок, мебели и т. д., у нас же опилки гниют на лесных биржах.

Вот почему пятилетка в первую очередь намечает постройку сети таких заводов, где бы шла наравне с механической и химическая обработка дерева.

Лесная промышленность Союза насчитывает 900 лесопильных и фанерных заводов и 300 прочих деревообрабатывающих установок. В ней занято пока 120 тысяч рабочих.

Валовая продукция за 1927/28 г. достигла 695 миллионов рублей. Крупное лесопиление дает Северный край — 20,5 процентов всего лесопиления в Союзе.

Насколько пятилетка должна повысить темп лесопромышленности, можно судить по цифрам 1932/33 г., когда валовая продукция будет составлять 4 900 миллионов рублей, кроме того вместо 15 миллионов кубических метров пиленого материала будет выпускаться 75 миллионов кубометров.

Заводы будут включать все виды обработки древесины. В таком комбинате будут об'единены лесопилка, фанерное отделение, столярное, ящичное, стружечное, гонторезное и т. д. Отбросы древесины должны будут использовать химические цехи, оборудованные по последнему слову науки и техники.

Огромное внимание будет уделено выработке стандартов, т. е. заготовке для жилых построек в

массовом виде оконных рам, дверей, паркета, панелей, форм и т. п.

Даже теперь, за истекший год пятилетки, можно проследить, как у нас идет ее осуществление. Все предположения первоначального плана пришлось снова пересмотреть, так как работа дала такой размах, о котором первое время не могло быть и речи.

Если в 1928 г. первоначальные вложения по РСФСР определялись в 165 миллионов 428 тысяч рублей, то в октябре 1929 г. их пришлось увеличить до 310 миллионов рублей. На одну только лесную промышленность пришлось отпустить 980 миллионов рублей.

По лесной пятилетке РСФСР эти вложения распределены следующим образом:

Лесное хозяйство потребует 541 миллион рублей. Сюда войдут как капитальные вложения, так и другие расходы.

Лесоустройство охватит площадь в 148 миллионов гектаров; будет осушено 150 тысяч гектаров заболоченных лесов; построят 18 тысяч километров гужевых лесных дорог; будет починено 56 тысяч километров лесных дорог. Насаждения молодняка на месте вырубок, гарей и пустырей захватят 300 тысяч гектаров и так далее.

Размер работ в 1929/30 году в Северном крае, исходя из общего расхода по РСФСР в 95 миллионов рублей, таков: лесоустройство — 6 428 тысяч гектаров; посев и посадка леса 2 тысячи гектаров; уход за лесом 1000 гектаров; расчистка лесных речек — 2 123 километра; осушка заболоченных ле-

сов — 2000 гектаров; проведение новых, лесовозных дорог — 470 километров; ремонт существующих лесовозных — 415 тыс. километров; борьба с лесопожарами, вредителями леса (насекомые), лесоопытное дело, с ассигнованием на капитальное вложение — 8 463 тысячи рублей.

Лесная промышленность РСФСР к последнему году пятилетия заготовки леса будет доведена до 180 миллионов кубометров.

Выпуск продукции увеличился в 8 раз, число фабрично-заводских рабочих с 58 тысяч в 1927/28 г. дадут до 110 тысяч в 1932/33 году при одновременном снижении себестоимости на 37 процентов.

По пятилетке это намечено в следующих цифрах (в тысячах кубометров):

	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Заготовка древесины . . .	17 759	26 500	32 500	38 000
Пиломатериал .	3 880	7 000	9 000	11 000

Число действующих лесопильных рам, в том числе новых:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Действует	145	147	155	156	152	144
Будет открыто . . .	11	34	59	73	81	85

Приведенные цифры уже превзойдены жизнью. Так в 1929/30 г. поставлены дополнительно 24 вре-

менных лесопильных рамы. Переработка в сырье тоже значительно увеличена.

По лесной и деревообрабатывающей промышленности пятилетним планом в Северном крае намечены постройки многих заводов и фабрик.

В Архангельске, в Великом Устюге, в речных районах строятся лесопильные, целлюлозные заводы и столярно-строительные фабрики.

Не менее важный вопрос — это создание кадра инженерно-технических работников для лесной промышленности. В 1932/33 году по лесному хозяйству должны будут работать 35 тысяч лесных специалистов. Особое совещание при ВЦИК СССР заострило вопрос о необходимости привлечь внимание общественности к подготовке кадров для лесного дела. Организована сеть лесотехнических вузов, курсов для переподготовки, в лесных районах в школах вводится лесоводческий уклон.

Потребность в древесине к 1932/33 году должна быть доведена до 280 миллионов кубометров, и таким образом, увеличена вдвое. Лесное хозяйство должно быть так построено, чтобы 280 миллионов кубометров вывозилось ежегодно, не истощая лесного массива. 45,5 миллионов гектаров будет прибавлено к ранее уже разрабатываемой площади. Мы увеличим разработку лесов по Союзу за пятилетку на 55 процентов.

Чтобы это сделать, должна быть наилучшим образом развита охрана леса. Прежде всего должна быть обеспечена пожарная охрана, очистка лесов от бурелома, валежника и другого хлама, источника пожаров. Второе условие — это подготовка пра-

вильного роста леса: прочистка, прореживание молодых массивов.

В азиатской части Союза разрабатываются бассейны рек: Туры, Товды, Конды, Оби с площадью в 10 млн. гектаров; бассейн реки Енисея — в 10 миллионов гектаров; дальне-восточные леса — в 15 миллионов гектаров и леса Ойратии еще совершенно первобытные и нетронутые.

Лесоразработки будут развиваться наряду с развитием индустриализации страны.

Особенное значение для успешного выполнения лесной пятилетки в Северном крае имеет постановление ЦК ВКП(б) по докладу краевого комитета партии. Госплану СССР поручено в кратчайший срок разработать вопрос об увеличении лесозаготовок, размер которых в последнем году пятилетки должен быть доведен до 60—65 миллионов кубометров. Считая, что увеличение лесозаготовок должно итти по пути механизации — решено отпустить для лесоразработок 36 гусеничных тракторов. Северолесу поручено довести механизацию до 40—50 процентов в 1930/31 г. по сравнению с настоящим годом, за счет увеличения тракторной тяги, ледяных дорог и так далее.

Выполнение лесной пятилетки во многом будет зависеть от творческих усилий трудящихся. Поэтому для лесопромхозов создается кадр постоянных рабочих, где широко проводится кампания за создание ударных бригад.

Постановление Центрального комитета обращает особенное внимание на неиспользование отходов лесопромышленности и на необходимость в

возможно более короткий срок повысить темпы производительности.

В связи с общим переустройством лесной промышленности севера должна развиваться промышленность местного значения: силикатная, строительная (стандартные дома), кожевенно-обувная, баржестроение и так далее.

Для текстильной промышленности лесопромышленность даст катушку, челнок, целлюлозу для искусственного волокна; для кожевенной, — дубители, колодки, шпильки; для жировой—канифоль; для бумажной промышленности — канифоль, целлюлозу, древесную массу. Большинство видов промышленности зависит от четкой, плановой своевременной работы лесной промышленности.

Наконец вывоз лесной продукции должен занять исключительное положение. Пятилетка даст для вывоза древесину, получившую ряд обработок на наших заводах и фабриках.

Валовая продукция лесной промышленности в 1932/33 году составит 302 процента по сравнению с 1913 годом.

Кроме того пятилетка ставит вопрос о замене древесины другими видами топлива. Таким топливом может служить торф, запасы которого неисчислимы. Торфяные болота имеют десятки тысяч гектаров. Большую возможность в использовании торфа дает скопление его в прибрежной полосе. Торф можно вывозить на внутренний рынок в виде брикетов. Установка электростанций, работающих на торфе, поможет быстрейшей электрификации страны.

Немалое значение для железных дорог, намеченных пятилеткой, имеет вывоз каменного угля.

Бурый смоляной каменный уголь найден в бассейне реки Печоры. Залежи его идут сплошными пластами, мало исследованы, но легко могут быть добыты, находясь в узле водных путей. Помимо использования угля местной промышленностью, он может быть вывезен и на внешний рынок. Кроме того к Северному краю прилегает Урал, где много угля и где в районе Ухты и правого притока р. Ижмы найдена нефть. С развитием путей сообщения и этот вид топлива найдет свое применение.

Наконец громадное значение имеют речные пути севера. Запасы водяной силы колоссальны. Уже теперь работает около трех тысяч водяных установок, обслуживая местную промышленность. По подсчетам сила одной реки Онеги может при установке гидростанции в порогах устья реки дать энергию в 25 тысяч лошадиных сил, а таких рек в районе немало. Энергия такой реки, как Сухона, не говоря уже о Печоре и Оби, может дать 60 тысяч лошадиных сил. Все это даст возможность электрифицировать край.

При быстром ходе переустройства сельского хозяйства, при применении минеральных удобрений земли севера поднимут свою урожайность. На них возможно развитие таких культур, как лен и картофель. Прекрасно на песках прививаются клевера.

Колхозы в крае начинают организовываться. Совхозы не дают еще больших результатов, но при дальнейшем развитии и они изменят и улучшат полеводческое развитие севера.

Большие площади лугов, лежащих по течению рек, и обширные сенокосные участки в лесах дают возможность широкого развития животноводства. Наличие громаднейших участков тундр и большие участки мхов (ягелей) позволяют развернуть оленеводство. Число голов оленей с миллиона может быть доведено до пяти миллионов. Оленеводство будет способствовать росту других видов промышленности: салотопенные заводы, свечные, кожевенные, выделка замши и пыжика на шапки из молодого оленя и прочее.

Громадные лесные массивы с топями болот, оврагами, реками, озерами, речками представляют прекрасные убежища для размножения зверя. Северо-восточный район по своим пушным богатствам занимает второе место в Союзе. Главный вид зверя в тундре — это белка, куница, заяц, горностай, лисица и песец. Много водится выдр, хорька, барсука, норки, ласки. В верховьях Печоры водится ценная чернобурая лисица. Попадаются лоси и дикие олени. Много есть хищников: рысь, россомаха, волк, медведь. Масса озерной, болотной дичи: рябчик, куропатка, тетерев. глухарь, утка, гусь. Охота ведется исстари, но крайне упрощенно. Сотни лет применяются одни и те же орудия истребления и убоя: капкан, силок, яды и ружья, часто кремневые. Ясно, что с таким оружием невозможна правильная охота, она идет хищнически. Много погибает подбитого и задавленного зверя. Устройство «заповедников», «заказников», соблюдение времен года, разрешающих охоту на того или иного зверя, развитие охотничьей кооперации, снабжение охот-

ников хорошими ружьями и припасами — все это даст возможность развить пушное дело и вывозить пушнину, пух, мясо и так далее.

Один из видов лесной промышленности — смолокурение, ведущееся пока кустарно и в незначительных размерах, скоро начнет быстро развиваться. В 1913 году вывоз смолы составлял 10 250 тонн. Подсочка сосны должна быть изменена. Велась она плохо и часто иссушала лучшие сорта леса. Широко надо применять пневой осмол березы.

Правильное лесоустройство, при чередовании рубок в шахматном порядке, через ряд лет будет давать новый лес. Сплошная рубка заменит выборочную и найдет спрос тонкомер, не имеющий пока никакого спроса. При широком развитии может быть удесятерен вывоз канифоли, дегтя, дека, скипидара и колесной мази. Минеральные богатства Северного края еще мало исследованы, но то, что открыто и изучено, сулит большое будущее. В области Коми на реке Цильме и в горах, между притоками, имелись еще старые разведки, где находили медь, серебро и даже золото.

В Печорском крае найдены огромные залежи ценного черного графита, там может быть устроена крупнейшая фабрика для выделки карандашей.

В районе рек Оронц и Вопла имеются крупные пласты каменного угля.

Наличие огромных богатств, лежащих втуне и ждущих применения, сулящих громадные богатства социалистической стране встречают интерес в научных кругах Союза. Размах лесозаготовок идет

в ногу с развитием народного хозяйства в нашей стране. В этом — залог успешного развития лесного дела. Новое время ставит требование — догнать и перегнать технику Запада. Рабочие и крестьяне уже теперь взялись за переделку хозяйства страны.

В горниле испытаний, в тяжелой, упорной борьбе рабочий класс и крестьянство преодолеют все трудности.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Как хозяйничали лесопромышленники в лесах севера при царе 5

II. На лесопильных заводах Архангельска до революции 15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. На советских лесозаводах 25

II. Выполним пятилетку! 46

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова